

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-11-31

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация

«Страшный» и таинственный мир фольклора в рассказах русской няни

Аннотация. Статья вносит важные уточнения в исследование вопроса о фольклорном репертуаре русской няни и его роли в воспитании детей. В данном случае речь идет об активном бытовании в среде детских наставниц демонологических рассказов. Цель исследования – выявить наиболее распространенные образы и мотивы этих произведений фольклорной несказочной прозы в рассказах няни, осмыслить характер восприятия такого рода созданий народной поэзии юными слушателями и определить их значение для становления личности. Методологически статья базируется на комплексном подходе, предусматривающем использование историко-культурного, историко-литературного и культурологического методов. Анализ материала показал неподдельный интерес детей к суеверным повествованиям о представителях разного рода темных сил, позволил выявить неоднозначность восприятия произведений этого жанра всеми участниками воспитательного процесса, эмоционально повышенную детскую реакцию на запечатленный в них фантастический мир, а также дал возможность обнаружить его особое воздействие на воображение ребенка, на пробуждение в нем творческого, поэтического сознания. В исследовании отмечено влияние таких впечатлений на формирование в сознании детей нравственных норм, регулирующих поведение человека и способных уберечь его от сил зла. Значительная роль демонологических рассказов, услышанных из уст русской няни, проявилась в укреплении жизненной, психологической устойчивости их воспитанников, в умении владеть собой в сложных обстоятельствах. В статье, со ссылкой на суждения выдающихся мастеров слова, обосновывается необходимость знакомства детей с мифологическими персонажами русского фольклора, позволяющего создать условия для углубленного постижения художественных явлений не только русской классики, мистических прозрений ее творцов, но и мировой культуры в целом.

Ключевые слова: рассказы русской няни, фольклорная несказочная проза, демонологические рассказы, духовная жизнь народа, формирование нравственных норм ребенка, нравственная и культурная ценность

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. «Страшный» и таинственный мир фольклора в рассказах русской няни // Литература в школе. 2022. № 3. С. 11–31.
DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-11-31

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-11-31

N.A. Dvoryashina

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

“Scary” and mysterious world of folklore in the stories of the Russian nanny

Abstract. The article introduces some important clarifications in the study of the folklore repertoire of the Russian nanny and its role in raising children. In this case, we are talking about children’s mentors telling demonological stories very widely. The purpose of the study is to identify the most common images and motifs of these works of folklore non-fabulous prose in the nanny’s stories, to understand the nature of perception of such creatures of folk poetry by young listeners and to determine their significance for the personality formation. Methodologically, the article is based on the comprehensive approach, which presupposes the use of historical, literary and cultural methods. The analysis of the material showed the genuine interest of children in superstitious narratives about representatives of various kinds of dark forces, made it possible to reveal the ambiguity of perception of works of this genre by all participants in the educational process, an emotionally increased reaction of children to the fantastic world captured in them, and also made it possible to discover its special effect on the imagination of the child, on the awakening of a creative and poetic consciousness in them. The study notes the influence of such impressions on the development of moral norms in the minds of children that regulate the behavior of a person and can protect them from the forces of evil. The significant role of demonological stories heard from the Russian nanny manifested in strengthening the life, psychological stability of their pupils, in the ability to own themselves in difficult circumstances. The article, citing the judgments of prominent people of letters, justifies the need for children to get acquainted with mythological characters of the Russian folklore, which allows us to create conditions for an in-depth comprehension of artistic phenomena not only of Russian classics, mystical epiphany of its creators, but also of the world culture as a whole.

Key words: the Russian nanny’s stories, folklore non-fabulous prose, demonological stories, the spiritual life of the people, developing a child’s moral code, moral and cultural value

CITATION: Dvoryashina N.A. "Scary" and mysterious world of folklore in the stories of the Russian nanny. *Literature at School*. 2022. No. 3. Pp. 11–31. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-3-11-31

О подлинном богатстве и очаровании народной фантазии, вдохновенном творчестве русского человека, создавшего сокровищницу устных художественных произведений разных жанров, написано и сказано немало. Так, для К.Д. Бальмонта «народный разум-воображение, фантазия простолюдина, не порвавшего священных уз, соединяющих человека с Землей, представляют из себя <...> запутанный смутный красивый лес, где деревья могучи, где в кустарниках слышатся шепоты, где змеится под ветром и солнцем болотная осока, и протекают освежительные реки, и серебрятся озера, и цветут цветы, и блуждают стихийные духи» [3, с. 94]. По убеждению поэта, тому, кто припадает к живительному источнику народной поэзии, открывается сама жизнь во всей ее красоте, природной мощи, силе, богатстве красок, звуков, образов. О том же, что приобретается при этом человеком, очень точное заключение сделал замечательный писатель, сказочник С.Г. Писахов: «...В старом народном искусстве – родина наша. Родина во всем: и в пейзаже, и в домах, и в крестах на могилах, и в старине, и больше всего – в искусстве. Человек без родины – сирота. Потому что душа глубоко корнями уходит в родную почву, а если вырвать ее, – высохнут корни, будет перекасти-поле... Надо сохранять хотя бы воспоминание о прошлом богатстве не в изуродованном

и не в заспиртованном виде, а живым и действенным» [16, с. 691]. Слова знатока и ценителя народной духовной культуры напоминают не только о важности ее сбережения, но и о необходимости активного включения в нашу повседневную жизнь, приобщения к ней новых поколений русских людей.

О том, как это делали русские няни, как знакомили своих питомцев с фольклорными произведениями, а особенно с народными сказками, мы уже рассказывали в наших работах [11; 12]. За рамками этих публикаций остались материалы, свидетельствующие о бытовании в среде детских наставниц демонологических рассказов – «суеверных повествований, связанных с персонажами из разряда низшей мифологии»¹. Исследований по этому вопросу на данный момент нами не выявлено. Вместе с тем осмысление его основных аспектов представляется важным, позволяющим объективно оценить наше сегодняшнее отношение к фольклорному наследию.

Цель работы – выявить и представить наиболее распространенные образы и мотивы произведений фольклорной несказочной прозы, бытовавшие в среде воспитательниц из народа, показать особенности их восприятия детьми и осознать

¹ Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. М., 1998. С. 182.

значение такого рода созданий народной поэзии в созревании личности. Методологически статья базируется на комплексном подходе, предусматривающем использование историко-культурного, историко-литературного и культурологического методов.

Вспомним, как И.А. Гончаров, перечислив в «Сне Обломова» нянин репертуар, которым она развлекала Илюшу, завершил сообщение о нем указанием на внимание рассказчицы к историям о представителях разного рода темных сил: «Она повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали *Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеша Поповича, о Полкане – богатыре, о Колечище прохожем* [курсив автора. – Н.Д.], о том, как они странствовали по Руси, побывали полчища басурманов, как состязались в том, кто одним духом выпьет чару зелена вина и не крякнет; потом говорила о злых разбойниках, спящих царевнах, окаменелых городах и людях; *наконец переходила к нашей демонологии, к мертвецам, к чудовищам и оборотням*»² [9, с. 121]. В народной среде такого рода рассказы были достаточно распространены.

Суеверия и сегодня не ушли из нашей жизни, а в прежние годы они были очень устойчивыми и крепко держались в сознании русских людей. Изображая нравы взрастившего Илью Ильича «благословенного уголка земли», И.А. Гончаров писал: «В Обломовке верили всему: и оборотням, и мертвецам. Расскажут ли им, что копна сена разгуливала по полю, – они не задумаются и поверят; пропустит ли кто-нибудь

слух, что вот это не баран, а что-то другое, или такая-то Марфа или Степанида – ведьма, они будут бояться и барана, и Марфы: им и в голову не придет спросить, отчего баран стал не бараном, а Марфа сделалась ведьмой, да еще и накинута на того, кто бы вздумал усомниться в этом, – *так сильна вера в чудесное* в Обломовке» [Там же, с. 124].

Известный литературный критик и поэт А.А. Григорьев словно вторил автору «Обломова», когда повествовал о сформировавшей его обстановке: «*Суеверия и предания окружали мое детство, как детство всякого большой или небольшой руки барчонка, окруженного большой или небольшой дворней и по временам совершенно ей предоставляемого. Дворня, а у нас именно испокон века велась она, <...> была вся из деревни, и с ней я пережил весь тот мир, который с действительным мастерством передал Гончаров в “Сне Обломова”.* Когда наезжали родные из деревни, с ними прибывали некоторые члены тогдашней обширной дворни и *поддавали жара моему суеверному, или, лучше сказать, фантастическому, настрою новыми рассказами о таинственных козлах, бодающихся в полночь на мостике к селу Малахову, о кладе в Кириковском лесу <...>, о колдуне-мужике, зарытом на перекрестке. Да прибавьте к этому еще старика деда, брата бабушки, который <...> каждый вечер рассказывал с полнейшей верою истории о колдунах и колдуньях*» [10, с. 19].

Подобные явления запечатлел в своих воспоминаниях и художник В.В. Верещагин: «*Суеверие всей нашей среды, даже помещицей, было очень*

² Здесь и далее курсив наш. – Н.Д.

большое: просыпать соль, зажечь на столе три свечи, сесть тринадцати за стол и проч. считалось положительным, неотвратимым признаком несчастья, а про крестьянскую нашу дворовую среду и говорить нечего: кликуши в церквах, худой глаз, наговор и проч. и проч. царили самовластно; споткнулся о порог, перебежал заяц дорогу или другое что в этом роде – быть беде...» [19, с. 179].

Закономерно, что и дети, живя в атмосфере таких представлений, не могли не воспринять их и не отзываться на них. Демонологические рассказы – былички и бывальщины – не только вторгались в детский мир, но и вызывали самый живой интерес, несмотря на то, что при этом нередко переживали юные слушатели далеко не приятные ощущения: пугались, испытывали душевные потрясения, долго находясь под этими впечатлениями. А.А. Григорьев, например, свидетельствовал: «На безобразно нервную натуру мою этот мир суеверий подействовал так, что в четырнадцать лет, напившись еще, кроме того, Гофманом, я истинно мучился по ночам в своем мезонине... <...> Лихорадочно-тревожно прислушивался я к бою часов, а они же при том шипели и сипели страшно неистово, и засыпал всегда только после двенадцати, после крика предрассветного петуха. *С летами это прошло, нервы поогрубели, но знаете ли, что я бы дорого дал за то, чтобы снова испытать так же нервно это сладко-мирительное, болезненно-дразнящее настроение, эту чуткость к фантастическому, эту близость иного, странного мира...*» [10, с. 20].

Однако было бы ошибочным не замечать, что при этом в неокрепшее еще сознание детей входило и то, что представляло собой отражение греховных страстей и поклонение перед темными силами. Чувство страха у детей, их тревожные состояния, беспокойства, связанные с полученной из рассказов взрослых информацией, усиленной к тому же собственной впечатлительностью и фантазией, способны были вызвать нервное потрясение, болезненно отражающееся на их физическом и психологическом состоянии. Так произошло с героем книги С.Т. Аксакова «Детские года Багрова-внука». В своем постижении мира Сережа Багров пережил немало открытий, изумлявших и удивлявших его. Все, по его словам, «*незаметно ложилось на детскую душу*» и жило в детском воображении, вызывая самую непосредственную эмоциональную реакцию. Это подтверждает случай, происшедший с ним после рассказов его няни, которую он очень любил, но которая не всегда отдавала себе отчет в том, что способен понять ребенок, а от чего его надо бы уберечь: «Я сказал уже, что был робок и даже трусоват; вероятно, тяжкая и продолжительная болезнь ослабила, утончила, довела до крайней восприимчивости мои нервы, а может быть, и от природы я не имел храбрости. *Первые ощущения страха поселили во мне рассказы няньки.* Хотя она, собственно, ходила за сестрой моей, а за мной только присматривала, и хотя мать строго запрещала ей даже разговаривать со мной, но она иногда успевала сообщить мне кое-какие известия о буке, о домовых

и мертвецах. Я стал бояться ночной темноты и даже днем боялся темных комнат» [1, с. 233]. От няньки же узнал мальчик и о том, что в кабинете покойного дедушки иногда видят его сидящим за столом и разбирающим бумаги. Это произвело на ребенка неизгладимое впечатление, в конце концов обернувшееся душевным срывом: «Я так боялся этой комнаты, – вспоминал он, – что, проходя мимо нее, всегда зажимал глаза. Один раз, идучи по длинным сеням, забывшись, я взглянул в окошко кабинета, вспомнил рассказ няньки, и мне почудилось, что какой-то старик в белом шлафроке сидит за столом. Я закричал и упал в обморок. Матери моей дома не было. Когда она воротилась, я рассказал ей обо всем случившемся и обо всем, слышанном мною от няни, она очень рассердилась: приказала отпереть дедушкин кабинет, ввела меня туда, дрожащего от страха, насильно и показала, что там никого нет и что на креслах висело какое-то белье. Она употребила все усилия растолковать мне, что такие рассказы – вздор и выдумка глупого невежества. Няньку мою она прогнала и несколько дней не позволяла ей входить в нашу детскую...» [Там же, с. 233]. Дальнейшие отношения с этой наставницей Сережи у его матери так и не сложились, хотя для самого мальчика разлука с ней обернулась печалью: «Я долго тосковал: я не умел понять, за что маменька так часто гневалась на добрую няню, и оставался в том убеждении, что мать просто не любила ее» [Там же]. Пережитое же в «эпоху детства» потрясение запечатлелось в его памяти навсегда.

В одних семьях знакомство детей с фантастическими персонажами запрещалось и осуждалось, как наносящее вред детской психике. Недаром же В.А. Лёвшин – писатель, видный деятель русской культуры XVIII – начала XIX в. – в своих заметках об обязанностях детских воспитательниц прямо указывал на это: «Равномерно не должна она ни сама рассказывать, ни другим позволять народные повести о домовых, о ведьмах, мертвецах и привидениях. Всего же более пугать дитя какую-нибудь вещь для них ужасною, например, бородатым стариком, нищим, который в суму свою его посадит, и проч. Все сии глупые рассказы и уловки служат только ко внушению в дитя суеверия, пустого страха и тому подобного» [15, с. 224].

В других же домах к такого рода историям относились вполне терпимо. В полной мере они никогда не уходили из детского сознания и памяти. Сохранялись они, несмотря на указанные требования, и в репертуаре нянь, которые обращались к ним по разным поводам. Иногда, – чтобы утихомирить ребенка, утратить его и тем самым добиться послушания. Писательнице А.В. Щепкиной запомнились такие эпизоды из дней детства: «Укладывая спать, нянюшки имели обычай уговаривать уснуть нас скорее, да не выглядывать из-под занавесов кроватей, потому, говорили они, “что вас возьмет Хо; вон он лежит под кроваткой”. Нянюшки уходили ужинать. Детская тускло освещалась свечой, стоявшей на полу в дальнем углу комнаты. Выглядывая из-под белых занавесок кроваток, мы видели

это Хо, составленное из черного бараньего меха, и быстро прятались под одеяло. <...> Никто не думал, что такое запугивание развивает робость, приучает и днем бояться встретить что-нибудь опасное, приучает бояться темноты вечером. Сестра Маша, старше меня на полтора года, не была пугливой благодаря влиянию умной, доброй няни...» [19, с. 143–144].

В некоторых семьях, несмотря на запреты рассказывать детям страшное, няни все равно не отказывались от полюбившихся им историй. П.А. Стрепетова, объясняя такое поведение своей водительницы детских лет, ссылалась на выработанные ею принципы досмотра за детьми: «У нее был свой взгляд на воспитание, и она строго держалась его, никого и ничего не слушающая» [Там же, с. 263]. Балерина Т.П. Карсавина видела причину интереса своей няни к таким сочинениям в особенностях ее мировосприятия и характера: «...для простой крестьянской девушки, исполненной предрассудков, подобное требование оказалось невыполнимым. Из множества причудливых существ, созданных воображением русского народа, обладающих рогами, копытами и хвостами, она выбрала некоего “буку”, к помощи которого прибегала в тех случаях, когда ее собственного авторитета оказывалось недостаточно. Бука уносил непослушных детей. Он прятался где-то поблизости и дожидался того момента, когда ребенок откажется идти спать. Непонятно, что это было за существо, возможно, своего рода черт, который мог послужить целям воспитания

детей. Я попыталась расспрашивать о нем отца, и он не стал отрицать существования буки. Но в его описаниях бука выглядел совершенно не страшным, пожалуй, просто озорным, но довольно дружелюбным существом, которое легко можно было умиротворить. По-видимому, он был покрыт шерстью, имел хвост, в общем, напоминал собаку» [Там же, с. 360]. Этот же персонаж был и в репертуаре няни композитора М.П. Мусоргского. В пьесе «С няней» из вокального цикла «Детская» именно «бука страшный» тревожит маленького слушателя, о нем он просит рассказать свою «нянюшку милую». У Мусоргского бука также не любит непослушных детей, но в его образе значительно больше жестокого, кровожадного, а потому и жуткого, чем в том, которым приводила ребенка к послушанию няня Т.П. Карсавиной.

Автор-составитель «Русского демонологического словаря» Т.А. Новичкова, трактуя образ буки, указала на такую его функцию: «...в XIX–XX веках главным предназначением буки стало устрашение малых детей: “Не ходи – бука съест”, “Спи, не то бука возьмет” и т.д.». Букой же в народе называли также и лешего, и домового-дворового, и привидение, и овинника [22, с. 60]. Страшно становилось ребенку от действий этого мифологического существа, и пугал он его невероятно, а все равно не пропадал к нему интерес, и вновь просил он рассказать о нем, хотя никуда не исчезавшие опасения подчиняли желания другому: обратить внимание сказительницы на что-нибудь повеселее.

Были, конечно, няни, придерживавшиеся иных педагогических правил, – противницы быличек и бывальщин. Писательница А.К. Черткова, например, удостоверяла: «Однако я совершенно не помню, чтобы она рассказывала нам “страшные”, пугавшие детское воображение сказки. Их я узнала уже позднее от других лиц или читая сама. Очевидно, у нее было настолько такта, чтобы избежать этого, да и мать моя, впрочем, была всегда против сенсационных рассказов для детей» [19, с. 289]. Эта няня не только не вводила в свои беседы с детьми образы нечистых сил, но вообще старалась оградить их от злого и трагического. «Мне кажется, – заключала мемуарист, – что няня переделывала много сказок по-своему, так, например, все сказки про Бабу-Ягу были далеко не так кровожадны и страшны, каковы они в самом деле существуют в народном эпосе» [Там же]. Память о заботливой и чуткой няне, «от которой счастливое детство в своем счастье каждый миг становится еще светлее и еще счастливее», осталась и в душе К.Д. Бальмонта: «Няня, в которой доброе все: ее лучистые глаза, и морщинки вокруг этих глаз, и воркующий голос, и медленная степенная походка, и руки, и добрый даже – ее чепец или платок, а когда няня начнет рассказывать свои замечательные сказки – слушаешь, не слушаешься досыта никогда – она и про страшное рассказывает так, что замрешь, ее слушая, но она никогда своей сказкой не мучает, все кончается хорошо, все – хорошо» [2, с. 506].

Но все же в большинстве случаев происходило обратное: сказывала няня «страшное», а дети слушали.

Особенно мощное воздействие детская психика испытывала в тех случаях, когда персонажами рассказов становились черти, домовые, лешие, колдуны и подобные представители темной, нечистой силы. Не каждый ребенок выдерживал такое испытание: воображаемые опасности преследовали его мысли, одолевал страх, с которым нелегко было справиться. Об этом говорят детские переживания В.В. Верещагина: «Однако темноты я боялся, – вспоминал он, – и когда случалось, что посылали за чем-нибудь вечером, я пролетал темную комнату вихрем, а мертвых трусил и пуще того. Причиной этого, конечно, были рассказы няни и дворовых о домовых, леших и т.п. Мама хоть не жаловала этих рассказов, но когда кто-нибудь из детей плакал, капризничал или просто долго не засыпал, позволяла прибегать к запугиванию; или начнут стучать в дверь, уверяя, что это идет “Гага”», или нарядят кого-нибудь в вывороченную шубу и покажут в дверях: “видишь, Гага-то пришел за тем, кто плачет и не спит”; а то и сам Гага возгласит: “А кто тут плачет, давайте его сюда!” – “Нет, батюшка, никого у нас для тебя нет, ступай себе с Богом: у нас все дети послушные, все спят! – ответит няня, да и успокоит: – Не бойся, не смеет, я тебя не отдам, только смотри не плачь, спи, а то унесет”. Как тут было не бояться привидений и разных страхов» [19, с. 179].

Как бы ни пугались дети этих ужасных персонажей, в них жила потребность в прикосновении к необычному, устрашающему, таинственному, в чем, например, признавалась П.А. Стрепетова: «Я была

очень нервным ребенком, с сильно развитым воображением, чему немало способствовали, как кажется, сказки няни, которые она иногда рассказывала нам по вечерам и которые я очень любила. В особенности нравились мне те сказки, где действующими лицами являлись мертвецы, духи или неведомые, сверхъестественные силы. Тогда я вся превращалась во внимание» [19, с. 262]. Пережитое в такие мгновения становилось для слушателя подобных повествований настоящим потрясением, пробуждало самую буйную фантазию, настолько были они пугающими: «Самой страшно, сердце вот так и хочет выскочить, мурашки бегают по телу, руки, как лед, холодные... Но все стою, все слушаю, боясь перевести дух, боясь пошелохнуться... А после, ночью, долго лежу возле крестной и не могу сомкнуть глаз: воображение уносит меня в мир сказочных грез, со всеми его героями и героинями, то страдающими от козней злых ведьм, то победоносно их отражающими с помощью какого-нибудь благодетельного волшебника... Вдоволь нагулявшись в страшном царстве теней, я, наконец, засыпаю, но и во сне опять какие-нибудь рыцари на крылатых конях да злые хвостатые чудовища с огромными открытыми ртами летают вокруг и не дают мне покоя. Я часто вскакиваю, впросонках зову няню и снова засыпаю только тогда, когда убеждаюсь, что она здесь, подле меня...» [Там же, с. 262–263]. Став старше, автор этих мемуаров неодобрительно отозвалась о «полных ужасов» сказках няни, назвав их «бестолковыми». Такой оценке способствовало их сопоставление с дру-

гими по характеру произведениями, которые она слышала из уст родительницы: «В сказках матери было, конечно, больше содержания, а отличительной чертой их являлось обилие поэтических образов, которые благотворно действовали на детское воображение, не омрачая и не пугая его...» [Там же, с. 263].

Но рассказы старших о разного рода нечистой силе, сами образы их верований – загадочные, таинственные существа, – оставаясь частью народной жизни, волнуя детский ум, требовали подтверждения или опровержения их наличия в этом мире, объяснения их смысла, возможного взаимодействия с человеком, их влияния на его поведение и судьбу. Трудно было ребенку не задуматься над этим неведомым миром, если он, как это было в детстве лексикографа, музыканта Н.П. Макарова, «беспреданно слышал <...> вокруг себя слова: нечистая сила, черт, дьявол, злой дух, домовой, леший, водяной» [Там же, с. 117–118]. Понятной была и его реакция на подобные слухи: «И страшно становилось мне от этих слов, – признавался он, – и смертельно хотелось мне узнать, что такое этот черт и дьявол, со всею честною компаниею, порожденною болезненным воображением суеверия и невежества» [Там же, с. 117]. Вот и обращался он за ответами к той, кто всегда находила время для разговора с ребенком и могла помочь ему:

«– Няня! – спрашивал я однажды Соломону. – В самом деле, есть на свете черт?»

– Говорят, что есть, мой голубчик.

– А ты его видала когда-нибудь?

– Нет, мой голубчик, никогда не видала.

– А кто другой видал его?

– Не знаю, мой родной, не слыхала.

– А я слышал от Хавроньи, что тетенькин скотник Спиридон встречал раз ночью черта на сенике. Говорит: такой страшный! С рогами, с хвостом и с железными когтями на руках. И на козла похож, и на человека. Да только такой злой.

– Э, батюшка! Не верь ты этой дуре Хавронье. И охота тебе разговаривать с нею, с полоумною! Я сто восемь лет прожила на свете, а черта никогда не видала, да и не слыхала, чтобы кто другой его видел.

– А мне бы очень хотелось посмотреть на него. Хоть и страшно, а все бы взглянул на него разочек, чтобы знать, что это за черт за такой?

– Господь с тобою, голубчик! Что это вздумал ты такие ужаси? Да сохранил тебя Бог от всякой нечистой силы! И думать-то грешно об этом, а не только желать встретиться с злым духом.

И няня примется креститься и читать молитву; а потом осенит крестным знаменем и меня; и я перестану спрашивать о черте» [19, с. 117–118].

Добрая няня, обеспокоенная тревогой дитя, уведила его от нежелательных эмоциональных порывов и устремлений, но успокаивался он лишь ненадолго, вопросы никуда не уходили, нянины ответы не всегда удовлетворяли, а иногда еще и подогревали детский интерес, ибо, как заметил А.И. Герцен, «дети вообще проникательнее, нежели думают, они быстро рассеиваются, на время забывают, что их поразило, но упор-

но возвращаются, особенно ко всему таинственному или страшному, и допытываются с удивительной настойчивостью и ловкостью до истины» [8, с. 47–48].

Это наблюдение писателя подтверждают и художественные образы из стихотворения Н.А. Некрасова «На Волге»:

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
“Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!”
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то, чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их. <...>
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине,
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад. <...>

Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гугу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!

[18, с. 87–88]

В поведении некрасовского героя-ребенка есть и решимость узнать правду, и опасение в правильности своего поступка, боязнь и ее преодоление, есть и торжество победы над народными верованиями и собственными страхами.

Воспитывая своих «выходков», няня С.Н. Дурылина руководствовалась наказом, отраженным в пословице «Бога люби, а черта не дразни». Своими поучениями стремилась она оградить детей от «всякого, даже

случайного, “ненарочного” общения с нечистой силой» [13, с. 213], внушить необходимость достойного жизненного поведения. «Бывало, – рассказывал писатель, – начнешь, сидя на стуле, болтать ногами. Няня строго заметит:

– Качай, качай нечистого-то!

На недоумение или опасливое оправдание:

– Я не качаю. Я, няня, так, – она непременно ответит:

– Как же “так”? Кто ногами болтает, у того на ногах, как на качелях, *шишига* качается.

Скверная должность: быть качелями для шишиги – и тотчас подожмешь ноги под стул.

Или, проходя по детской, приметит няня, что пробка не воткнута в графин с водой, или не покрыта кружка с клюквенным соком, или открыта крышка у рамонойника, и тотчас недовольно спросит:

– Кто воду пил да графин оставил без пробки? Кто в рамонойник воду лил да не закрыл?

И мы знали, почему этого нельзя делать. Няня давно нам рассказала, что был такой святой, который не закрыл на ночь рамонойник, а туда ночью ввалился шишига и всю воду опоганил; хорошо еще, что святой догадался, закрестил его там и крышкою прикрыл, а то быть бы беде: опоганенным умыться или опоганенное выпить – значит накликасть на себя болезнь, порчу. А коли закрестишь “шишигу” в покрытом сосуде, тогда делай с ним что хочешь: святой под тем условием только и выпустил шишигу из рамонойника, что велел ему превратиться в коняшку и съездил на нем в старый Иеруса-

лим. Впоследствии я узнал, что няня передавала нам эпизод из древнего (и не принятого в таком виде церковью) жития архиепископа Иоанна Новгородского» [Там же].

Напоминала Пелагея Сергеевна своим питомцам и о подстерегающих их опасностях от возможных встреч с другими представителями сверхъестественных сил. Если будут они лениться, совершать недобрые поступки, употреблять плохие слова, не слушаться, то покинет их Ангел-хранитель, и тогда власть свою возьмет и посмеется над ними *Анчутка*:

«Этим тоже страшила няня.

– А какой он? – спрашивал я няню.

– Беспятый, – отвечала она.

Почему-то это было и страшно: ноги есть у него, пяток нет, и смешно, ужасно смешно: беспятый! Я добивался подробностей о нем, но их не было. Это не был черт; это было что-то *чуть пониже черта* и значительно страшнее *дедушки домового*, что жил то на чердаке, то в коровнике. *Анчутка* был худой, длинный, тонкий и прятался всегда в сумерках; он бы и вышел на люди, но как показаться без пят?» [13, с. 214]. Наставляя детей на поступки хорошие и дела добрые, называла няня и еще одного проводника воли злого духа – некую *Зюлейку* – «это была маленькая пакостница, какая-то злая обидчица непослушных детей, какая-то озорница из неведомой и нечистой силы. “Вот Зюлейка придет” – это предупреждение няни было неприятно, и мы совсем не хотели встречи с нею», – вспоминал С.Н. Дурюлин [Там же, с. 214–215].

Конечно, все эти шишиги, *Анчутки*, *Зюлейки*, жившие в народном

сознании как разные воплощения таинственных бесовских существ, не могли не будоражить детский ум, детское воображение, вольно или невольно заставляя ребятишек в действиях своих следовать нравственным нормам, правилам, регулирующим поведение человека, чтобы не попасть под влияние зла.

А вот какое влияние оказывали истории няни, в том числе и суеверные, на А.М. Ремизова: «Я всегда сидел с ней и слушал ее рассказы о калужской деревне: упоминались сказочные для меня поле, лес и звери; и действительная жизнь – деревенская быль перемешивалась со сказкой. Когда я научился писать, я на листе написал свои желания: чего бы я хотел, чтобы она привезла мне из деревни, – кроме лошади, коровы, овцы, козла и всяких птиц до соловья, в мой реестр попал и волк, и лиса, и медведь, и заяц, и... *леший с домовым, и полевой, и луговой, и моховой*» [21, с. 28]. Запомнившиеся писателю образы нечистых сил свидетельствуют о том, что няня его, конечно же, имела свое представление о местах их бытования, о той жизни, которую они ведут и которой ведают. И, что характерно, ребенка они не пугали, напротив, вызывали стремление познакомиться с ними поближе, *пробуждая поэтическое сознание*. Позднее, создавая свои сказки о хозяине лесных богатств («Леший») и жене его Лешачихе («Лешая»), Ремизов обращался к этнографическим сборникам известных фольклористов, но и нянины рассказы оживали в его памяти во время работы над этими произведениями. Не случайно же он признавался, что, бывало,

«писал не по тексту, а с голоса» своей любимицы! [Там же].

Пережитое в детстве настолько впечатляло няниных воспитанников, что и позднее, в своей уже взрослой жизни, они вольно или невольно возвращались к оставшимся в сознании необычным существам. Характерно в этом смысле признание С.В. Ковалевской: «Какой глубокий след эти сказки оставили в моем воображении, я сужу по тому, что, хотя теперь, наяву, я и помню из них только отрывки, но во сне мне и до сих пор нет-нет да вдруг и приснится то “черная смерть”, то “волк-оборотень”, то 12-головый змей, и сон этот всегда вызовет во мне такой же безотчетный, дух захватывающий ужас, какой я испытывала в пять лет, внимая няниным сказкам» [19, с. 234–235].

Как видим, отношение няни, родителей, самих детей к рассказам о мифических существах не отличалось единодушием. Были среди них сторонники, любители такого рода повествований, были те, кто воспринимал их достаточно лояльно, убежденные в том, что они закаляют детскую психику, готовят к жизненным трудностям, противостоянию имеющемуся в мире злу. Но были, конечно, и противники, считавшие все эти предания вредными для дитяти, потому что внушают ему ненужный страх и тем самым делают слабым и душевно нестойким. Такой подход, стремление излишне оберегать мир ребенка, исключая из детского опыта, детских представлений суеверные рассказы с их страшными персонажами, многие деятели русской и мировой культуры считали неправильным, а держать дитя в неведении об этом –

вредным. Прислушаемся к рассуждениям М.И. Цветаевой: «Разве дети ненавидят Людоеда за то, что хотел отсечь мальчикам головы? Нет, они его только боятся. Разве дети ненавидят Верлиоку?⁵ Змея Горыныча? Бабу-Ягу с ее живым тыном из мертвых голов? Все это чистая стихия страха, без которой сказка не сказка и услада не услада. Для ребенка, в сказке, должно быть зло» [23, с. 501]. Без таких корневых основ, по убеждению поэта, полученных от произведений народной фантастики, будет обедненным само развитие человека, не сформируется его способность глубокого и полного понимания явлений не только русской, но и мировой культуры. В этом М.И. Цветаева убедилась на собственном опыте. Так, освоение ею еще в детстве пушкинского мира, «силы его поэтического напева», восприятие далеко не для маленьких созданных стихотворений, таких как «Утопленник», где есть мертвец с его «распухнувшим телом», «Вурдалак», с не меньшими по изобразительности образами, но и с неприятием при этом трусости «Вани бедного», и, конечно, – «Бесов» («самое любимое из страшных, самое по-родному страшное и по-страшному родное...») [Там же, с. 78], а потом и «Капитанской дочки» с ее мятежным Вожатым – Пугачевым, было бы, по ее словам, совсем другим, если бы не фольклорные «чары»: «Ибо чара – старше опыта. Ибо сказка – старше были. И в жизни земного шара старше, и в жизни человека – старше. Ибо

⁵ Персонаж восточнославянских народных сказок (в сборнике А.Н. Афанасьева «Верлиока» указана под номером 301) – страшное одноглазое существо, злой и жестокий убийца.

Пугачева мы знали уже и в Мужиксам-с-Перст, и в Верлиоке, и в людоеде из Мальчика-с-Пальчик, рубящем головы собственным дочерям, и в разбойнике, от которого Аленушка прячется за кадушку с маслом, во всех людоедах и разбойниках всех сказок, в сказке крови, нашей древней памяти» [23, с. 520].

Чувство благодарности своей няне за услышанные от нее страшные истории вынес из дней детства С.Н. Дурылин. Как и М.И. Цветаева, он ценил в них тот загадочный, таинственный мир, знакомство с которым позволило ему испытать богатство эмоциональных переживаний, трепетно воспринять не только мистические прозрения выдающихся мастеров слова, но и саму жизнь. На страницах книги «В родном углу» он писал об этом следующее: «Жалею ли я о том, что в детстве замирало у меня сердце от колдуна на Сухаревой башне, от Бабы-Яги, растапливавшей горластую печь на соседнем дворе? Нет, наоборот, я благодарен няне за это томно-тревожное замирание сердца, за сладость этой жути. Я признателен ей за то, что сказка для нас была не одним лишь затейливым вымыслом в детской книжке, как для современных маленьких взрослых, напрасно именуемых детьми, – сказка была для нас особою, иной действительностью, завлекавшей нас своей то ласковой, то жуткой тайной, сказка была для нас живой действительностью, манившей своими несказуемыми волнениями. Кто не испытал в детстве этого сладостного наития тайны, тот никогда впоследствии не был в состоянии понять тех, кто веянием таинственного одухотворил

свое отрочество, – ни Якова Бёме, ни Новалиса, ни нашего Жуковского. Няня сама глубоко верила в действительность сказки и непреложность легенды – и оттого не было ни малейшей фальши в том, когда она вводила нас в увлекательный сумрак» [13, с. 217–218].

Единомышленником М.И. Цветаевой и С.Н. Дурылина в оценке значимости будоражающей неокрепшее сознание детей «стихии страха» был и философ, специалист по этике, истории философии и религии Б.П. Вышеславцев. Вспоминая свое детское состояние перед сном, он писал: *«Но я долго не сплю: я вижу образы богатырей, волшебников, колдунов, домового, и, наконец, черного кота на печке у Бабы-Яги...» [7, с. 61].* Как и откуда появлялись все эти персонажи в детском воображении? Персонажи, волновавшие ребенка, вызывавшие у него сильную эмоциональную реакцию, возбуждавшие его фантазию, притягивавшие к себе его мысли? На эти вопросы у философа был свой ответ: *«Неправда, что все это няньки наговорили детям. Они лишь разбудили образы, дремавшие в душе, в народной душе с незапамятных времен».* Б.П. Вышеславцев, как и М.И. Цветаева, видел истоки представлений о сказочных, демонологических образах в древней памяти народа, они были там всегда, поэтому и ребенок, получая эту память с рождением, воспринимал их как естественную и неотъемлемую часть своей жизни в России: *«И эти образы космического-бессознательного связаны с родной землей, с родными лесами, болотами, оврагами, омутами... Только в русском доме может появ-*

виться “домовой”. В парижской квартире это непонятно. Русским детям за границей все эти образы ничего не говорят и, странно, старые русские няни, которых еще вывезли в Париж, этих сказок больше не рассказывают... Но, когда я впервые – семилетним мальчиком – увидел в Малом Театре “Сон на Волге” Островского и когда там в темных покоях спящего “Воеводы” появляется маленький шустрый “домовой” с фонариком в руке (его играла маленькая Щепкина, в русской рубашке и штанишках), *я сразу узнал его, как нечто родное, домашнее, хотя и жуткое».* В его памяти весь этот образный мир русской демонологии оживал потом при восприятии русской классики: *«Так же узнавали мы и все страшные видения Гоголя. Они потому и страшны, что свои – и этот “Вий”, и этот Колдун из “Страшной мести”, и вся эта нечисть, врывающаяся сквозь решетку в окна церкви. Никогда я не забуду, с каким трепетом я начинал вместе с Хомой Брутом каждую новую ночь читать в церкви над покойницей-панночкой. А носящийся гроб и страшное появление “Вия” было настоящим потрясением! Все, о чем говорит Гоголь, есть русский космос, который живет в душе, поскольку душа живет в нем. Мне было 13 лет, когда я все это впервые читал в “страхе и трепете”.* Потом, уже на склоне дней, за границей, я перечел все и удивился, что “страха и трепета” больше не было: яркость образов исчезла, демоны, русалки, домовые покинули мир» [Там же, с. 61–62].

Не был чужим таинственный мир русского фольклора и для поэта

Андрея Белого. Его детское восприятие сказки, образов русской демонологии отличалось своеобразным пониманием. Действительность и фантастические явления в младенческом сознании были отделены одно от другого. Восстанавливая свои переживания у истоков дней, он писал: «О сказке я знаю всегда: сказка есть сказка, или – не то, что кругом, а некоторое “как бы”, подобно игре в жмурки; вникание в сказку мне отличает сказку от данности: никогда не стояла проблема, что действительно есть некий “бука”; “как бы” перевешивало, хотя бы в том, что я свободно в сказку играл, то есть видоизменял материал ее фабулы как угодно; живет на свете М.И. Ляскова; и в нее не поиграешь, потому что она есть; в “буку” играешь, как хочешь; и это потому, что нет буки...» [4, с. 177]. А далее поэт выводил свое определение того, чем же являются для формирующейся детской души такие произведения народной фантазии. Предваряя его, отметим, что в начале 30-х гг. XX в. К.И. Чуковский, отстаивая сказку, сказал, что она «...до семилетнего-восьмилетнего возраста <...> для каждого нормального ребенка есть самая здоровая пища – не лакомство, а насыщенный и очень питательный хлеб, и никто не имеет права отнимать у него эту ничем не заменимую пищу» [24, с. 429]. А Белый, оценивший «первое семилетие своей жизни <...> как “сказочный период”» [17, с. 496], открыл для себя в ней другое: «Сказку я отличал от действительности; к сказке и к игре прибегая, как прибегают люди, вынужденные вести сидячий образ жизни, к гимнастике. К сказке

у меня был произвольный подход, как только к символу; символ – не пища, а как лекарство, вводимое в кровь; питаются хлебом и не питаются микстурой; однако: принимают микстуру; хлеб нашей жизни был плох; стало быть, коли я инстинктивно стал в усиленной дозе прибегать к микстурам под форму сказок, этому надо было радоваться. Вовсе не понимают душу младенца, когда утверждают, что младенец верит в сказки; если “верит”, то не так, как верит в бытие за стеной живущего Янжула⁴; Янжула нет, а позвонись к Янжулу: выйдет Янжул; “бука” сидит в углу, а пойдти в угол – будет тебе жутковато; и – только, а “буки” не будет» [4, с. 177]. Поэт утверждал свою систему отношений, возникающую у ребенка с чудесными образами: есть понимание сказочной выдумки, вместе с тем, никуда не уходит волнующее воображение осознание чего-то таинственного в жизни, но такого, прикоснувшись к которому, можно преодолеть любую опасность и выйти победителем: «В детстве я любил подойти к теневой черте из освещенной комнаты, повернуться и с ощущением жутковатого холода прибежать из тени на руки гувернантки; я любил игру: “бука” теперь не тронет; для этого надо было пережить жутковатый холодок оторопи. Сказка была мне материалом упражнения в переживаниях; и я развил себе в детстве крепкие мускулы: владения собою. В этом – роль сказок и музыки для меня. Если бы не было сказок, чем бы я защитился от жизни,

⁴ Янжул Иван Иванович – профессор Московского университета, педагог, экономист, статистик, сосед и друг отца А. Белого – профессора Н.В. Бугаева.

в которую защемили меня. Так меж сознанием и обстанием⁵ появился буфер; обстание мучило, но не расплющивало» [4, с. 177–178].

Заметим, у М.И. Цветаевой и Б.П. Вышеславцева сказка – то, что живет в ребенке, в его крови изначально, как след «нашей древней памяти», у А. Белого она – лекарство, необходимое для детской крови, защита от неведомого и непонятного. Но все они были равно убеждены в том, что в сказке для детей важна «стихия страха», которую им надо научиться преодолевать, чтобы сформировалась способность владеть собой, чтобы крепили жизненные «мускулы», чтобы жила вера: злу нужно противостоять и его можно победить.

Сторонники такой позиции были и среди зарубежных представителей культуры. Английский писатель и мыслитель Г.К. Честертон также отстаивал необходимость включения страшных сказок, историй в мир детского восприятия: «...Оказывается, – писал он, – и впрямь существуют люди, которые считают сказки вредными. Серьезная женщина написала мне, что детям нельзя давать сказки, даже если сказки – не выдумка. Почему же? А потому, что жестоко пугать детей... Видимо, мы совсем забыли, что такое ребенок <...>. Если вы отнимете у ребенка гномов и людоедов, он создаст их сам. Он выдумает в темноте больше ужасов, чем Сведенборг; он сотворит огромных черных чудиц и даст им страшные имена, которые не услышишь и в бреду безумца. ... Дети и дикари пугливы – и правы. Они боятся этого мира, ибо он и впрямь опасен. <...>

⁵ Обстание – окружение.

Сказки не повинны в детских страхах; не они внушили ребенку мысль о зле или уродстве – эта мысль живет в нем, ибо зло и уродство есть на свете. Сказка учит ребенка лишь тому, что чудище можно победить. Дракона мы знаем с рождения. Сказка дает нам святого Георгия» [6, с. 128–129].

Не менее интересно и суждение английского философа, лауреата Нобелевской премии по литературе Б. Рассела, который свое размышление над этой проблемой начал с предупреждения о необходимости тактичного, осторожного введения детей в сферу зла: «...Ребенок так живо и глубоко воспринимает страшное, что его ужас может омрачить ему всю последующую жизнь. Будучи беззащитным, ребенок не может не испытывать ужаса, когда он впервые осознает, что на свете существует жестокость, в частности, по отношению к детям... Страшного и ужасного дети не должны знать до того индивидуально варьируемого возраста, когда они в силах взглянуть им в лицо и пересилить муку. Этот момент столкновения с миром ужасного и ужасом мира должен прийти позже для робкого ребенка, для ребенка с особенно ярким воображением, чем для тех, кто уже приобрел и моральное здоровье, и безбоязненность. Но во всех случаях сначала необходима прочная духовная привычка к бесстрашию – благодаря ожиданию ребенком доброты, и только потом возможна встреча его с существованием жестокосердия» [Там же, с. 134]. С этим суждением нельзя не согласиться. Все так: необходимы и учет возраста детей, особенностей индивидуальной «крепости» их психики, и понимание их внутренней

готовности к встрече с тем, что способно их напугать. И все же Б. Рассел был убежден в нужности для них таких сведений и такой информации: *«Трудно, очень трудно выбрать момент, в который дети могут осознать зло в мире и не погибнуть духом. Но само это осознание нужно как дыхание. Невозможно вырастать, не ведая о войнах, о погромах, и нищете, и болезнях, которые можно предотвратить, но которые не предотвращают. И это знание должно слиться в сознании ребенка с абсолютной уверенностью, что на свете нет прощения тому, кто навлекает на кого бы то ни было какое бы то ни было страдание, коего можно избежать, или даже позволяет его навлечь, или смиряется с ним»* [6, с. 135].

Живучесть «страшных» произведений в народной, в том числе и детской среде, убежденность в их полезности для всех Т.А. Новичкова объясняла следующим образом: *«Вера в демонов едва ли не в меньшей степени, чем силы небесные, способствовала душевному равновесию и покою в семье. Приравниваясь к нечистым духам, человек меньше грешил, боялся проклясть ребенка, поднять руку на родителя, выбраться. У каждого смертного над правым плечом витает ангел-хранитель, который лишь порадует, глядя на добрые дела, и поплачет, видя худые поступки; над левым плечом находится бес – воплощенная активность, он замечает каждый неосторожный шаг и пользуется им, чтобы погубить человека»* [22, с. 3].

Нет сомнения в том, что не всякое произведение устной народной прозы может быть доступно детям, понято ими, да и просто необходи-

мо им. Здесь нужен отбор. А.А. Блок, немало размышлявший над русским фольклором, стремившийся проникнуть в «лес народных поверий и суеверий», постичь их, пришел к выводу, что не все они «оказались той рудой, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную “бумажную” поэзию – вплоть до наших дней» [5, с. 32]. Поэт знал разные «русские предания», в том числе и слабые, «бездарные», с его точки зрения, но всегда ценил то подлинное, что шло от «сердца простых русских людей», сердца, бывшего для него «легендой». В статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906) он писал: *«...Поет руда. Над ухом стоит профессор. Слышен его голос: “Ну, это, знаете, неинтересно. Какое-то народное суеверие, продукт народной темноты”. Но голос профессора, тщетно призывающий к иным памятникам, заглушает певучая руда. И сразу не разберешь, что поет, о чем поет, только слышно – поет золото»* [Там же, с. 83]. Именно о таком, «золотом» наследии русского фольклора и следует говорить, осмысливая репертуар русских нянь.

Понимая всю сложность исследуемого вопроса, неоднозначность восприятия детьми мифологических персонажей фольклора, возможное негативное воздействие народных суеверных рассказов на неокрепшую детскую психику, все же признаем справедливость позиции тех авторов, кто утверждал необходимость знания детьми различных жанров народного поэтического творчества, в том числе произведений сказочной прозы. На этом основании отметим

и правомерность обращения русской няни к быличкам и бывальщинам. Да, бывало, что они пугали, вызывали страх у детей, но одновременно и учили его преодолевать. Да, не всегда дети слышали подлинные образцы этих жанров, но все же признательные отзывы тех, кто прошел такую школу няниного воспитания, тех, кто узнавал народную демонологию, свидетельствуют, что это был материал, который открывал им и тайны духовной жизни народа, и особенности его восприятия окружающего мира, и самобытность поэтических воззрений, и различные грани его быта. Известный специалист по изучению таких произведений фольклора Э.В. Померанцева совершенно справедливо заметила: «Быличкам, тесно связанным с народными поверьями, свойственно ярко выраженное национальное своеобразие: в русской крестьянской избе, в овине, конюшне живет и шутит свои шутки *домовой*; в непроходимые чащи русских лесов и топи болот заводит одинокого путника *леший*; сидя на мельничной плотине, на берегу лесных речек, расчесывает свои длинные волосы и заманивает свои жертвы *русалка*. Нередко леший одет в длинную мужскую белую рубаху, а русалки даже “в холщовых рубашках, рукава широкие, вышитые”» [20, с. 26].

Не будем забывать и о дидактической роли историй о мифических существах – тех нравственных уроках, которые вольно или невольно получали маленькие слушатели из рассказов своих наставниц, ибо, при всей их фантастичности, изначально заданная установка на достоверность,

правдивость сообщаемого производила соответствующее впечатление, предостерегая от дурных поступков, неосторожных слов, неразумных действий и в домашнем быту, и в природном мире.

Устные рассказы няни о мифологических персонажах приобщали детей к азам русской культуры, позволяя впоследствии полно и глубоко постигать смысл знакомых образов, которые «оживали» на страницах произведений классиков, в живописных полотнах художников, принимая уже свои черты и обличья. Э.В. Померанцева, указав на многозначность образа черта в представлениях русского человека, обратила внимание на особенности его художественного воплощения в наследии отечественных писателей: «Столь же широк и разнокачественен образ черта в русской литературе. Достаточно вспомнить беса Пушкина, побежденного Балдой, демона Лермонтова, черта Гоголя, порабощенного кузнецом Вакулой, черта Достоевского, бесов Ремизова, нечистую силу в романе М. Булгакова» [Там же, с. 148]. Это замечание важно еще и потому, что оно напоминает о прототипах названных персонажей – мифических существах из русского фольклора, поэтому закономерным видится и вывод: полноценное восприятие таких произведений возможно лишь с опорой на фольклорные источники.

Знание народных верований, воззрений необходимо для понимания и других образов не только в классической, но и в современной литературе, детской в частности. Вспомним

о произведениях лишь одного замечательного мастера слова – писателя Ю.И. Ковалея. Мир сказки, мифа всегда был той стихией, которая неизменно привлекала его. Приметы образно-поэтической самобытности народного творчества внимательный читатель без труда ощутит в его книгах, на страницах которых обитают *лесовик* – «бычьи бельмища» («Лесовик»), *Черный Дедко* в глубине леса с его «*черными силами*» («Черноельник»), *Снежный всадник*, объявляющийся, когда выпадает первый снег («Снежный всадник»). Здесь можно встретить страшного *Хозяина*, заплетающего гриву лошади («Хозяин»), забавных, проказливых *анчуток* – «*подпечных чертенят*», по словам старушки Орехьевны («Анчутки») [14, с. 20], и других таинственных персонажей. Народнопоэтические образы берутся писателем в их, так сказать, нерасчлененном, целостном виде. Но далее начинается волшебное превращение общеизвестного в самобытный художественный образ, исполненный обаяния творческой индивидуальности. Рассказав об очередном «анчутке», писатель словно бы торопится приблизить его к реальному – человеческому – миру, как бы перебрасывает мостик между чудесным, сказочным и жизненно знакомым, даже обытовленным. Однако почувствовать оригинальную трансформацию фольклорного материала, свободную игру фантазии художника, не разрушающую при этом поэтическое очарование источника, возможно, если в читателе сформировано первоначальное представление о нем.

Своеобразным итогом, снимающим все сомнения в пользу народной поэзии для детей, в том числе и запечатлевшей представления о сверхъестественных существах, итогом, подтверждающим значимость наследия, полученного выдающимися людьми России от общения с простым народом, в частности нянями, проложившими для них еще в детские годы «тропу к народу», его культуре, может служить вот это замечательное в своей искренности признание А.А. Григорьева: «Нет или мало песен народа, мне чуждых: звучавшие детскому уху, они отдались как старые знакомые в поздней молодости, они, на время забытые, пренебреженные, помянутые даже, как старые книги деда, *восстали потом в душе во всей их непосредственной красоте...* Во все народные игры игрывал я с нашею дворнею на широком дворе: и в бую, и в лапту, и даже в чехарду, когда случалось, что отец и мать уезжали из дому в гости и не орали на меня; все басни народного животного эпоса про лисицу и волка, про лисицу и петуха, про житье-бытье петуха, кота и лисицы в одном доме – переслушал я в осенние сумерки от деревенской девочки Марины, взятой из деревни собственно для забавы мне... Наезжали порою мужики из бабушкиной деревни. Вот тут-то еще больше наслушивался я *дикихвинных рассказов* – постоянно уже проводя все время с мужиками на кухне. <...> *Ужасно я любил их и, провожая почтенных мужиков, <...> поминал даже в своих детских молитвах после родных и ближайших окружающих...*» [10, с. 25–26].

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Стихотворения. М., 1986.
2. Бальмонт К.Д. Автобиографическая проза. М., 2001.
3. Бальмонт К.Д. О русской литературе. Воспоминания и раздумья. М., 2007.
4. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 1. М., 1989.
5. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М., 1971.
6. Воспитание: возвращаясь к изначальным смыслам: антология классических и неклассических текстов о педагогике / ред.-сост. С. Лебедев, А. Русаков. М., 2009.
7. Вышеславцев Б.П. Тайна детства // Возрождение: литературно-политические тетради / под ред. С.П. Мельгунова. Тетрадь 46. Октябрь 1955 года. Париж, 1955. С. 51–61.
8. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1–5. М., 1963.
9. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Обломов. М., 1981.
10. Григорьев А.А. Воспоминания. М., 2018.
11. Дворяшина Н.А. «И откуда что брала»: народная поэзия в репертуаре русской няни // Литература в школе. 2021. № 4. С. 9–23.
12. Дворяшина Н.А. Образ няни в воспоминаниях и художественных произведениях русской словесности: голос, слово, речь // Литература в школе. 2021. № 1. С. 22–36.
13. Дурьлин С.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2014.
14. Коваль Ю.И. Журавли. М., 1983.
15. Лёвшин В.А. Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутреннего домоводства как городских, так и деревенских жителей, хозяев и хозяек: В 10 ч. Т. 1. Ч. 1. М., 1813.
16. «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..». Классики и современники о русском языке: антология / сост. Г.Н. Красников. М., 2013.
17. Лавров А.В. Комментарии // Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 1. М., 1989. С. 457–541.
18. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 2. Л., 1981.
19. Няня. Кто нянчил русских гениев / сост. В.Н. Тороповой. М., 2017.
20. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
21. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.
22. Русский демонологический словарь / автор-сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995.
23. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994.
24. Чуковский К.И. Стихи и сказки. От двух до пяти. М., 1981.

References

1. Aksakov S.T. Sbranie sochineniy: V 3 t. [Collected works in 3 vols.]. Vol. 1. Family chronicle. The childhood of Bagrov-grandson. Poetry]. Moscow, 1986.
2. Balmont K.D. Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical prose]. Moscow, 2001.
3. Balmont K.D. O russkoj literature. Vospominaniya i razdumya [About Russian literature. Memories and thoughts]. Moscow, 2007.
4. Bely A. Na rubezhe dvukh stoletij. Vospominaniya: V 3 knigakh [At the border of two centuries. Memories]. Book 1. Moscow, 1989.
5. Blok A.A. Sbranie sochineniy: V 6 t. [Collected works in 6 vols.]. Vol. 5. Moscow, 1971.
6. Vospitanie: vozvrashhayas k iznachalnym smyslam: antologiya klassicheskikh i neklassicheskikh tekstov o pedagogike [Education: Returning to the original meanings: an anthology of classical and non-classical texts about pedagogy]. S. Lebedev, A. Rusakov (eds.). Moscow, 2009.
7. Vysheslavtsev B.P. The secret of childhood. *Vozroждение. “La Renaissance”. Cahiers litteraires et politiques. Cahier No. 46. Octobre 1955.* S.P. Melgunov (ed.). Paris. Pp. 51–61. (In Rus.)
8. Herzen A.I. Byloe i dumy [My Past and Thoughts]. Parts 1–5. Moscow, 1963.

9. Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Vol. 2. Oblomov. Moscow, 1981.
10. Grigoryev A.A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 2018.
11. Dvoryashina N.A. «And where did she get it from»: Folk poetry in the repertoire of the Russian nanny. *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 9–23. (In Rus.)
12. Dvoryashina N.A. The image of a nanny in memoirs and works of art of Russian literature: Voice, word, speech. *Literature at School*. 2021. No. 1. Pp. 22–36. (In Rus.)
13. Durylin S.N. *Sobranie sochineniy: V 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2014.
14. Koval Yu.I. *Zhuravli* [Cranes]. Moscow, 1983.
15. Lyovshin V.A. *Polnaya khozyajstvennaya kniga, odnosyashhayasya do vnutrennego domovodstva kak gorodskikh, tak i derevenskikh zhitel'ev, khozyaev i khozyaek* [A complete economic book relating to domestic economics of both urban and rural residents, hosts and housewives]. In 10 parts. Vol. 1. Part 1. Moscow, 1813.
16. «I my sokhranim tebya, russkaya rech, velikoe russkoe slovo!...» *Klassiki i sovremenniki o russkom yazyke* [“And we will save you, Russian speech, the great Russian word!..”]. Classics and contemporaries about the Russian language]. G.N. Krasnikov (ed.). Moscow, 2013.
17. Lavrov A.V. Comments. *Belyj A. Na rubezhe dvukh stoletij. Vospominaniya*. In 3 books. Book 1. Moscow, 1989. Pp. 457–541. (In Rus.)
18. Nekrasov N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 15 t.* [Complete collection of works and letters in 15 vols.]. Vol. 2. Leningrad, 1981.
19. Nyanya. *Kto nyanchil russkikh geniev* [Nanny. Who babysitted Russian geniuses]. V.N. Toropova (ed.). Moscow, 2017.
20. Pomerantseva E.V. *Mifologicheskie personazhi v russkom folklоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow, 1975.
21. Remizov A.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 8. *Podstrizhennymi glazami*. Iveren. Moscow, 2000.
22. *Russkij demonologicheskij slovar* [Russian Demonological Dictionary]. T.A. Novichkova (author-compl.). St. Petersburg, 1995. (In Rus.)
23. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Collected works in 7 vols.] Vol. 5. *Avtobiograficheskaya proza. Statyi. Esse. Perevody*. Moscow, 1994.
24. Chukovsky K.I. *Stikhi i skazki. Ot dvukh do pyati* [Poetry and fairy tales. From two to five]. Moscow, 1981.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022, принята к публикации 15.04.2022
The article was received on 10.03.2022, accepted for publication 15.04.2022

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru